

В САДУ ЧУДОВИЩ

Любовь и террор в гитлеровском
Берлине

ЭРИК ЛАРСОН

КАРЬЕРА ПРЕСС

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

	Das Vorspiel	xi
	Человек за ширмой	3
Часть I	В сумрачный лес	7
Часть II	Как снять дом в Третьем рейхе	59
Часть III	Люцифер в саду	105
Часть IV	Так болят кости	179
Часть V	Тучи сгущаются	239
Часть VI	Сумерки над Берлином	303
Часть VII	И грянули перемены	347
Эпилог	Экзотическая птичка на чужбине	409
Кода	«Светская беседа»	417
	<i>Источники и благодарности</i>	419
	<i>Примечания</i>	431
	<i>Библиография</i>	485
	<i>Об авторе</i>	498

Das Vorspiel

прелюдия; увертюра; пролог; вступительная фраза; подготовка; исполнение; практический (экзамен); прослушивание; das ist erst das ~ это для начинающих

*Словарь немецкого языка Collins German
Unabridged Dictionary (седьмое издание, 2007)*

Давным-давно, в преддверии страшных времен, жившие в Америке отец с дочерью вдруг оказались вынуждены покинуть уютный дом в Чикаго и отправиться в сердце гитлеровского Берлина. Они прожили в Берлине четыре с половиной года, однако история, которую я расскажу, будет посвящена их первому году в Германии, поскольку именно тогда Гитлер превратился из канцлера страны в единовластного тирана, страна висела на волоске, а будущее было окутано мраком неизвестности. Этот год был неким подобием пролога, предвосхитившего все основные темы грядущей всеобщей войны и смерти.

Я всегда гадал, каково это — находясь вовне ситуации, наблюдать, как собирается тьма гитлеровского правления. Как выглядел тогда Берлин, что можно было увидеть и услышать, какие запахи витали в воздухе, как воспринимали происходящее вокруг дипломаты и другие приезжие? Сейчас нам ясно, что в тот хрупкий миг ход истории можно было легко переменить — но почему же никто этого не сделал? Почему никто так долго не сознавал, какую серьезную опасность представляет для мира Гитлер и его режим?

Как и большинство людей, впервые я познакомился с этой эпохой по книгам и фотографиям, оставившим у меня впечатление мира, где

были лишь два цвета — серый и черный. Однако два главных героя моей книги жили в реальном, материальном мире жизнью, наполненной обычными повседневными делами. Каждое утро они ехали через город, увешанный огромными черно-бело-красными транспарантами, сидели под одним навесом кафе с лошеными эсэсовцами в черных мундирах, а порой видели самого Гитлера — плюгавенького человечка в большом открытом «мерседесе». Но в то же время они каждый день проходили мимо балконов, на которых пышно цвела красная герань; делали покупки в крупных городских магазинах, приглашали гостей на чай и дышали весенними ароматами Тиргартена — главного парка Берлина. Они были лично знакомы с Геббельсом и Герингом, обедали с ними, танцевали и шутили — до тех пор, пока не подошел к концу первый год и не произошло событие, которое едва ли не яснее всех показало истинный характер Гитлера и заложило основу следующего десятилетия. В этот день для отца и дочери изменилось все.

Перед вами не художественное, а документальное произведение. Как всегда, все приведенные в кавычках цитаты взяты из писем, дневников, мемуаров или других исторических источников. Я не стремился написать очередную историческую работу о той эпохе. Мои цели были скромнее: я хотел показать мир прошлого глазами двух моих главных героев, отца и дочери, для которых жизнь в Берлине стала путешествием, исполненным открытий, преобразований, а в конце концов и мук разбитого сердца.

Здесь нет героев (по крайней мере, таких, как в «Списке Шиндлера»), однако то тут, то там видны проблески героизма и встречаются люди, демонстрирующие неожиданное благородство. Жизнь полна нюансов, пусть порой и тревожных для наших персонажей. Это вечная проблема документальной литературы — нужно отставить в сторону все, что нам уже известно, и пуститься в путь вместе с двумя чистыми душами, которые еще не знают, что ожидает их впереди.

Непростое время. Непростые люди. И чудовища, в конце концов показавшие свое истинное лицо.

Эрик Ларсон

Сизтл

1933

Человек за ширмой

В визите американского экспатрианта в берлинское консульство США не было бы ничего необычного, если бы не состояние, в котором этот человек появился там в четверг 29 июня 1933 года. Человека звали Джозеф Шахно. Врач из Нью-Йорка, тридцати одного года от роду, он до недавнего времени практиковал в пригороде Берлина. Теперь же он стоял обнаженным за ширмой одной из смотровых на первом этаже консульства, где в обычные дни врач-хирург осматривал желавших получить визу и иммигрировать в Соединенные Штаты. На теле пострадавшего не было ни единого живого места.

В комнату вошли два представителя консульства. Одним из них был Джордж С. Мессерсмит, генеральный консул США в Германии с 1930 года (не связанный родственными узами с немецким авиаконструктором Вильгельмом «Вилли» Мессершмиттом). Будучи главой дипломатической службы в Берлине, Мессерсмит руководил работой десяти консульств США, расположенных в различных городах Германии. Рядом с ним стоял вице-консул Раймонд Гейст. Обычно он отличался спокойствием и невозмутимостью — идеальный подчиненный, — но в тот момент Мессерсмит подметил, что Гейст побледнел и не сумел скрыть глубокого потрясения.

Состояние Шахно ужаснуло обоих. Вот что увидел Мессерсмит: «От шеи до пят на нем практически не осталось ни клочка кожи. Его долго избивали плетью, до тех пор, пока тело буквально не превратилось в живое мясо. Я бросил на него всего один взгляд и как можно быстрее ретировался к раковине, где мыл руки [наш хирург]».

Мессерсмиту стало известно, что Шахно был избит за девять дней до того, однако раны его были по-прежнему свежи. «Его избили девять дней назад, однако от лопаток до колен все еще шли отчетливые следы ударов плетью, свидетельствовавшие о том, что удары наносились с обеих сторон. Особенно пострадали ягодичы, они были измочалены в кровь, причем на крупных участках вовсе отсутствовала кожа. Плоть пострадавшего выглядела куском сырого мяса».

Но если этим ранам уже девять дней, подумал Мессерсмит, как же они должны были выглядеть сразу после избиения?

Выяснилось следующее.

Ночью 21 июня к Шахно домой явился отряд одетых в форму людей, заявивших, что, согласно анонимному доносу, Шахно является потенциальным врагом государства. Люди обыскали жилье, ничего не нашли, однако забрали Шахно с собой в штаб. Там ему приказали раздеться, после чего два человека стали жестоко избивать его плетью. После продолжительной экзекуции Шахно был отпущен. Он кое-как добрался домой, а затем вместе с женой бежал в Центральный Берлин, где жила мать его жены. Неделю он пролежал в постели, а едва смог встать, как тут же отправился в консульство.

Мессерсмит велел положить пострадавшего в больницу и в тот же день выдал ему новый паспорт США. Вскоре после этого Шахно с женой были переправлены в Швецию, а оттуда — в Америку.

Это был не первый случай ареста и избиения американских граждан начиная с января того же года, ознаменовавшегося восшествием Гитлера на пост канцлера, однако ни один из них не мог сравниться жестокостью со случаем Шахно. Между тем тысячи немцев подвергались аналогичным и даже еще более жестоким пыткам. Для Мессерсмита это стало еще одним случаем, подтверждавшим положение дел в гитлеровской Германии. Он понимал, что насилие отнюдь не является случайным выплеском злобы. В Германии произошли какие-то глубинные перемены.

Он понимал все это, однако знал, что в Америке его взгляды разделяют очень немногие. Мессерсмит видел, как трудно доказать миру значительность гитлеровской угрозы, и это все больше его тревожило. Ему было совершенно ясно, что Гитлер втайне целенаправленно

вел Германию к захватнической войне. «Мне очень хотелось бы, чтобы американцы это поняли, — писал он в депеше Госдепартаменту США в июне 1933 года, — потому что я убежден: им необходимо осознать, что в Германии все больше крепнут провоенные настроения. Если гитлеровское правительство пробудет у власти еще год и продолжит проводить все ту же политику приготовления к войне, Германия будет иметь все шансы стать угрозой для мира на многие годы вперед».

Он добавил: «Представители нынешнего правительства Германии, за редким исключением, обладают менталитетом, который не постижим ни для меня, ни для вас. Некоторые из них — явные психопаты, и в иной ситуации находились бы на излечении».

Однако США по-прежнему не имели своего посла в Германии. Бывший посол Фредерик М. Сэкетт уехал в марте на инаугурацию нового президента Америки Франклина Д. Рузвельта. (Инаугурация состоялась 4 марта 1933 года.) Почти четыре месяца должность посла оставалась незанятой, и нового назначенного на нее человека ожидали не ранее чем через три недели. Мессерсмит не знал его лично, лишь слышал о нем от знакомых в Госдепартаменте. Но в одном он был убежден: новый посол угодит в кипящий котел жестокости, коррупции и фанатизма, и потому ему потребуется вся сила духа, чтобы защищать американские интересы и представлять американскую силу, ибо сила была единственным языком, который понимал Гитлер и его приспешники.

Однако нового посла описывали как невзыскательного человека, который мечтал вести в Берлине скромный образ жизни, поддерживая таким образом тех, кто оказался разорен в результате Великой депрессии. Дабы продемонстрировать умеренность, новый посол даже намеревался перевезти в Берлин свою машину — потрепанный старый «шевроле». Уму непостижимо — и это в городе, где гитлеровцы разезжали на огромных черных автомобилях размером с пассажирский автобус!

ЧАСТЬ I

В сумрачный лес

Семейство Додд по прибытии в Гамбург

Бежать — но как?

Телефонный звонок, навсегда изменивший жизнь чикагского семейства Додд, прозвучал в четверг 8 июня 1933 года. В это время Уильям И. Додд сидел за своим столом в университете Чикаго.

Глава факультета истории, Додд работал в университете с 1909 года. Работа, посвященная американскому Югу, и биография Вудро Вильсона принесли ему известность в масштабах страны. Ему было шестьдесят четыре года: худощавый, пяти футов восьми дюймов роста мужчина с серыми глазами и темно-русскими волосами. Выражение его лица было скорее суровым, однако на самом деле Додд обладал живым чувством юмора и был скор на суховатую шутку. У него была жена Марта, которую все называли Мэтти, и двое взрослых детей. Дочери, тоже Марте, было двадцать четыре года, а сыну, Уильяму-младшему — или попросту Биллу, — двадцать восемь.

Это была счастливая семья, связанная тесными узами дружбы. Додды были небогаты, однако не бедствовали, несмотря на депрессию, что сотрясала страну в те годы. Они жили в большом доме по адресу Блэкстон-авеню, 5757, неподалеку от чикагского Гайд-парка и всего в нескольких кварталах от университета. Кроме того, Додд имел — и каждое лето навещал — небольшую ферму в Раунд-хилл (штат Виргиния). По данным окружной переписи, размер фермы составлял «плюс-минус» 386,6 акра, и именно там Додд — джефферсоновский демократ высшей пробы — чувствовал себя дома. Он возился со стадом гернзейских коров, насчитывавшим двадцать одну голову; держал четырех мерин по кличке Билл, Коли, Мэн-

ди и Принц; имел фармэллский трактор и однолошадный плуг. Он варил себе кофе марки Maxwell House прямо в жестянке, которую ставил на старую дровяную плиту. Жена его не любила ферму и с удовольствием отпускала туда мужа одного, а сама оставалась с семьей в Чикаго. Додд назвал свою ферму «Каменистым уголком» из-за разбросанных тут и там валунов, и говорил о ней так, как иной человек говорит о своей первой любви. «Яблоки у нас прекрасные, почти безупречные, красные, душистые. Я смотрю на деревья — они по-прежнему гнутся под тяжестью спелых плодов, — писал он одним прекрасным вечером в пору сбора яблок. — Как мне здесь хорошо!»

Несклонный к клише, Додд все же заметил, что тот телефонный звонок прозвучал «как гром с ясного неба». Конечно, это было преувеличением. Вот уже несколько месяцев его друзья поговаривали о том, что однажды этот звонок все же прозвучит. Четкость и конкретность предложения — вот что удивило и обеспокоило Додда.

ДОДД УЖЕ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ был недоволен своей университетской должностью. Он любил преподавать историю, однако писать об истории любил еще больше. Он потратил много лет на создание самого, по его мнению, точного и исчерпывающего труда в четырех томах о ранней истории южных штатов США, названного им «Взлет и падение старого Юга», однако раз за разом обнаруживал, что рабочая рутина мешает ему работать над книгой. К завершению близился еще только первый том, и шестидесятичетырехлетний Додд опасался, что будет похоронен вместе со своей неоконченной книгой. Он договорился с руководством факультета и сократил объем преподавательской работы, однако, как это часто бывает с навязанными оппоненту соглашениями, очень часто все получалось совсем не так, как ему хотелось. Шла депрессия. Университет лишился ряда преподавателей, и ввиду этого, а также под влиянием финансовых соображений Додд работал не меньше прежнего — общался с руководством университета, готовился к лекциям, занимался с отнимавшими у него массу времени аспирантами. В своем письме в департамент материального обеспечения университета от 31 октября 1932 года он просит вклю-

чать отопление в своем офисе по воскресеньям, чтобы иметь возможность посвящать писательскому труду хотя бы один день в неделю. В беседе с другом он назвал свое положение «затруднительным».

Недовольство Додда усугублялось его убежденностью в том, что он достиг меньших карьерных высот, чем мог бы. Он жаловался жене, что продвигаться быстрее по этой лестнице ему мешает то, что он вырос в стесненных обстоятельствах и должен был добиваться всего тяжелой работой, в то время как другие представители его профессии делали карьеру быстрее. И он был прав — ему действительно пришлось пробиваться с большим трудом. Додд родился 21 октября 1869 года в доме своих родителей, в маленькой деревушке Клейтон (Северная Каролина). По рождению он принадлежал к низшему слою белого общества Юга, где классовые предрассудки сохранялись и после войны. Его отец Джон Д. Додд была полуграмотным фермером и едва сводил концы с концами; мать, Эвелина Крич, происходила из более родовитой семьи Северной Каролины и, как считали окружающие, выйдя за Додда, совершила мезальянс. Они выращивали хлопок на земле, подаренной им отцом Эвелины, но вырученных денег едва-едва хватало на жизнь. После Гражданской войны в стране стали выращивать больше хлопка, цены на него упали, и семья все глубже оказывалась в долгу у городского универсального магазина, которым владел родственник Эвелин, один из трех столпов клейтонского общества — «людей тяжелых». Додд называл этих людей «...торговцы и аристократы, свысока помыкавшие теми, кто от них зависел!».

Всего в семье было семеро детей. Все детство Додд работал на земле, которой владели его родители. Однако, хотя он и считал эту работу достойным делом, он не желал провести остаток жизни на ферме и понимал, что единственный способ, которым человек его происхождения может переменить свою судьбу, заключается в получении образования. Он пробивался вверх, прикладывая все силы, и порой так уходил в учебу, что другие школьники прозвали его Монахом. В феврале 1891 года он поступил в Виргинский колледж сельского хозяйства и механики (позже превратившийся в Виргинский политехнический университет). Он по-прежнему вел крайне умеренный

образ жизни и учился с полной отдачей. Другие студенты пускались во всяческие проказы — то перекрашивали корову президента колледжа, то разыгрывали фальшивые дуэли, уверяя первокурсников в том, что так погиб не один зеленый новичок. Но Додд отдавал все силы учебе. В 1895 году он получил должность бакалавра, в 1897 году, когда ему было двадцать шесть, — магистра.

Содействие одного из уважаемых сотрудников университета и сумма, одолженная добрым двоюродным дедом, позволили Додду в июне 1897 года отправиться в Германию, точнее, в университет Лейпцига, где Додд начал писать докторскую диссертацию. С собой он взял велосипед. Диссертацию свою он посвятил Томасу Джефферсону, и это невзирая на очевидные сложности, поджидавшие каждого, кто пожелал бы работать с американскими документами XVIII века, находясь при этом в Германии. Додд проделал всю необходимую работу и обнаружил архивы необходимых ему материалов в Лондоне и Берлине. Кроме того, он много ездил по стране, в основном на велосипеде, и раз за разом удивлялся царившей там военизированной атмосфере. Как-то раз один из его любимых профессоров провел дискуссию на тему «Насколько слабо Соединенные Штаты смогут противостоять вторжению великой немецкой армии». От этой истине прусской агрессивности Додду становилось не по себе. Он писал: «Здесь слишком много думают о войне».

Поздней осенью 1899 года Додд вернулся в Северную Каролину и после нескольких месяцев поисков все же нашел себе место преподавателя в колледже Рэндолфа—Мейкона (г. Эшленд, Виргиния). Кроме того, он возобновил дружеские отношения с девушкой по имени Марта Джонс, дочерью состоятельного землевладельца, жившего близ родного города Додда. Дружба переросла в любовь, и в канун Рождества 1901 года они обвенчались.

В колледже Рэндолфа—Мейкона Додд почти сразу же угодил в неприятное положение. В 1902 году в газете *Nation* была опубликована его статья, в которой Додд критиковал Союз ветеранов Конфедерации, незадолго до того добившийся запрещения в Виргинии учебника истории, который, по мнению членов организации, оскорблял честь южан. Додд заявил, что ветераны считают достоверными

только те истории, в которых ясно говорится, что Юг «правильно поступил, выйдя из Союза».

Реакция последовала незамедлительно. Юрист Союза ветеранов добился, чтобы Додда уволили из колледжа Рэндолафа—Мейкона. Эта работа была единственным источником дохода Додда. Год спустя он вновь обрушился на ветеранов, на этот раз в своей речи, произнесенной в Американском историческом обществе, в которой открыто порицал стремление Союза ветеранов «изгнать из школ любые учебники, содержание которых идет вразрез со стандартами местного патриотизма». Додд заявил, что «в подобной ситуации сильный и честный человек просто не имеет права молчать».

Известность Додда как историка росла. Росла и семья. В 1905 году родился сын, в 1908 году — дочь. Понимая, что прибавка к зарплате будет нелишней и что на Юге враги вряд ли оставят его в покое, Додд внес свое имя в список претендентов на вакансию, открывшуюся в университете Чикаго. Он получил эту должность и в студенческом январе 1909 года — Додду было тогда тридцать девять лет, — перевез семью в Чикаго, где они и прожили следующие четверть века. В октябре 1912-го, ощутив зов крови и решив зарекомендовать себя истинным демократом и последователем Джефферсона, он приобрел ферму. Изнурительная работа, столь сильно досаждавшая ему в детстве, теперь дарила душевный покой и позволяла погрузиться в романтику Америки прошлых лет.

Кроме того, Додд почувствовал живой интерес к политике, в полную силу разгоревшийся в нем после того, как в августе 1916 года он побывал в Овальном кабинете Белого дома на встрече с президентом Вудро Вильсоном. По выражению одного из биографов Додда, эта встреча «полностью изменила его жизнь».

Со все возрастающим беспокойством Додд наблюдал за признаками, говорившими о том, что Америка готовится вмешаться в Великую войну, которая сотрясала Европу. Памятуя о годах, проведенных в Лейпциге, он не сомневался, что разжигание войны — дело рук немцев, плясавших под дудку немецких аристократов и промышленников по фамилии Юнкерс, которых сам Додд сравнивал с южными аристократами в годы, предшествовавшие Гражданской войне.

Появление такого же гипертрофированного самолюбия он наблюдал и в среде американской промышленной и военной элиты. Когда некий генерал попытался вовлечь университет Чикаго в национальную кампанию по подготовке страны к войне, Додд возмутился и подал жалобу напрямую главнокомандующему.

Додд просил президента Вильсона лишь о десятиминутной аудиенции, однако встреча продлилась дольше. Додд был совершенно очарован, чувствовал себя так, словно попал в сказку. Он уверился в том, что Вильсон прав, когда оправдывает вмешательство США в войну. Для Додда Вильсон стал новым воплощением Джефферсона. В следующие семь лет Додд и Вильсон стали друзьями; Додд написал биографию Вильсона. После смерти Вильсона 3 февраля 1924 года Додд долгое время пребывал в глубоком трауре.

Спустя некоторое время он стал считать Франклина Рузвельта достойным преемником Вильсона и активно участвовал в кампании Рузвельта 1932 года, при каждой возможности выступая перед публикой и печатая статьи. Быть может, он надеялся войти в близкое окружение Рузвельта, однако вскоре разочаровался в своих надеждах и был вынужден заниматься все менее удовлетворявшей его работой в университете.

ИТАК, ЕМУ ИСПОЛНИЛОСЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ ГОДА, и он намеревался оставить после себя потомкам историю старого Юга, хотя, казалось, этому воспротивились все силы мира, и в их числе университет, согласно политике которого по воскресеньям здания отапливать было нельзя.

Додд все чаще задумывался о том, чтобы оставить университет ради какой-нибудь должности, которая позволила бы ему писать, «пока еще не поздно». Ему пришло в голову, что идеальным вариантом мог бы стать непыльный пост в Госдепартаменте — например, должность посла в Брюсселе или Гааге. Додд считал себя достаточно значительным человеком, чтобы претендовать на пост посла, хотя обычно переоценивал степень своей влиятельности в международных вопросах. Он нередко писал Рузвельту, давая рекомендации по

экономическим и политическим вопросам до того, как Рузвельт стал президентом, а также сразу после его победы на выборах. И разумеется, Додд был весьма обижен, когда вскоре после выборов получил из Белого дома официальное письмо, в котором говорилось, что президент считает необходимым незамедлительно отвечать на все поступающие послания, однако сам не в состоянии справиться с этой задачей вовремя и потому распорядился, чтобы на письма впредь отвечали его секретари.

Однако у Додда было несколько добрых друзей, поддерживавших близкие отношения с Рузвельтом, в том числе новый министр торговли Дэниел Ропер. Сын и дочь Додда относились к Роперу как к дяде, поэтому Додд без малейших угрызений совести попросил своего сына выступить в роли посредника и узнать у Ропера, не находит ли возможным новая администрация направить Додда советником посольства в Бельгию или Нидерланды. «На этих постах правительству нужны свои люди, но сама работа не представляет трудностей», — сказал сыну Додд. Он признался, что мечтает об этой должности в первую очередь затем, чтобы закончить «Историю старого Юга». «Я не слишком мечтаю получить должность от президента, однако всеми силами стремлюсь закончить дело своей жизни».

Итак, Додду нужна была синекура — должность не слишком обременительная, однако дающая ему статус и средства на жизнь, а главное, оставляющая достаточно времени для написания книги. При этом Додд сознавал, что по складу своего характера не годится для дипломатической службы. «Что до мест, где требуется дипломатия высшего класса (Лондон, Париж, Берлин), то туда я не гоюсь, — писал он жене в начале 1933 года. — Я таков, каков есть, хотя мне жаль, что из-за этого страдаешь ты. И все же я не из тех пронырливых двуличных политиков, которые нужны, чтобы «лгать за границей во имя страны». Будь я таков, я отправился бы в Берлин, преклонил колени перед Гитлером, а заодно восстановил бы свой немецкий». И все же, добавил он, «к чему тратить время на подобные рассуждения? Едва ли найдется человек, который пожелал бы прожить следующие четыре года в Берлине».

Сыграла ли свою роль беседа его сына с Ропером, или же в этом повинны были иные силы, однако имя Додда вскоре оказалось на слуху. 15 марта 1933 года, во время отдыха на своей ферме в Виргинии, он поехал в Вашингтон на встречу с новым министром иностранных дел Рузвельта Корделлом Халлом, с которым уже не раз встречался прежде. Халл был высокого роста, седой, с ямочкой на подбородке и волевой челюстью. Внешне он казался воплощением всех качеств, необходимых министру иностранных дел, однако те, кто был знаком с ним ближе, знали, что в ярости он способен извергать отнюдь не приличествующие государственному мужу потоки брани и что он страдает дефектом речи, отчего вместо «р» произносит «в», делаясь при этом похож на известного персонажа детских мультфильмов Элмера Фадда. Сам Рузвельт втайне потешался над этой его чертой и однажды прошелся по адресу заключенного Халлом «товгового договора». Из нагрудного кармана рубашки Халла, как обычно, торчало четыре-пять красных карандашей — именно этот инструмент управления делами государства он предпочитал. Халл уже поговаривал о возможности назначения Додда в Голландию или в Бельгию, то есть как раз туда, куда хотел попасть Додд. Однако, узнав, с какими повседневными обязанностями будет связана работа в этих странах, Додд внезапно отказался от предложения. «После длительных размышлений над сложившейся ситуацией, — писал он в своем маленьком карманном дневнике, — я заявил Халлу, что не могу принять этот пост».

Однако имя его оставалось на слуху.

И вот в тот июньский четверг раздался телефонный звонок. Подняв трубку и поднеся ее к уху, Додд услышал голос, который сразу же узнал.